

Игорь Богомолов

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: А. Sumpf. The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 320 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X23020220, EDN: BMZNTU

Судьба российских ветеранов-инвалидов русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн до последнего времени практически не привлекала внимание историков. Одна из главных причин — революция 1917 г., во многом заслонившая собой воен-

ные конфликты начала XX в. Идеология нового государства и его отношение к «империалистическим» войнам повлияли на всех их участников, но инвалиды занимают в этом ряду особое место. Они не получали должного внимания от государства и в послево-

* *Сумпф А.* Переломные годы: российские ветераны-инвалиды войны, 1904–1921. Кембридж: Изд-во Кембриджского университета, 2022. 320 с.

енные десятилетия лишь изредка использовались в пропаганде как зримый результат «мировой бойни». В лучшем положении оказались инвалиды Гражданской войны, однако их было меньше, чем инвалидов предыдущих войн, и они в целом тоже оставались на обочине общественного внимания. В советской и постсоветской историографии в этом направлении не появилось значимых и комплексных работ, несмотря на открытие архивов в 1990-х гг.

Провести всестороннее исследование положения российских ветеранов-инвалидов решил профессор Страсбургского университета Александр Сумпф. Перед историком стояла непростая задача – собрать воедино разрозненные и фрагментированные сведения о количестве ветеранов-инвалидов трёх разных по масштабу и характеру войн, исследовать вопросы социальной адаптации инвалидов, их повседневной жизни, отношений с государством. К работе привлечён широкий массив источников из фондов РГВИА, РГИА, ГА РФ, РГАКФД, ЦГИА СПб и ЦГА СПб. Большое внимание автор уделил произведениям искусства, литературы и кино той эпохи, пытаясь с их помощью показать развитие образа инвалида и его места в российском обществе. Одна из интересных находок Сумпфа – 107 автобиографий, написанных в 1916 г. грамотными солдатами, отобранными для обучения и будущей работы в качестве сельскохозяйственных руководителей. Тем не менее эта источниковая база самому автору представляется недостаточной, так как у российских инвалидов начала XX в. практически отсутствовали развитые организации и постоянные печатные органы, а их биографии крайне редки и скупы на изложенные факты и выраженные эмоции. Здесь, однако, нужно отметить, что Сумпф изначально не стремился детально воспроиз-

вести историю российских инвалидов войн, понимая разрозненность источниковой базы. Скорее это исследование, систематизирующее государственную политику в отношении инвалидов и рефлексию общества на их массовое появление в повседневной жизни. В царской России, где до 1914 г. увечья были скорее делом частных благотворительных начинаний, чем медицины, это явление стало вызовом довоенному порядку и взглядам, ускорило профессионализацию ухода за инвалидами и переход к более гуманному обращению с ними как выжившими жертвами войны. Правительство и оппозиция, военное командование, врачи и благотворительные организации пытались (всякий раз по-своему) определить место фронтовика-инвалида в обществе.

Шесть глав монографии выстраиваются главным образом по хронологическому принципу, однако Сумпф часто выходит за очерченные рамки, обращаясь ко всем трём войнам и к раннесоветскому периоду. Так, в первой главе основное внимание уделено проблемам подсчёта ветеранов-инвалидов, который так и не был проведён до конца ни царским, ни Временным, ни советским правительствами. Автор постарался собрать воедино и по возможности уточнить статистические данные из источников, справочников, исследований. Как и в случае с «пропавшими без вести», число «увечных» солдат различно в зависимости от источника. В лазаретах, госпиталях, подчинённых разным благотворительным организациям, фронтовому командованию, Красному Кресту, использовались разные методы ведения учёта. Небезосновательно подозрение автора, что по крайней мере часть указанных в списках раненых и «увечных» приходится на одного и того же солдата, поскольку комбатанты часто повторно и неоднократно обращались за медицинской помощью. Уточнению числа инвали-

дов препятствовали и революции 1905 и 1917 гг.: на фоне политических потрясений инвалиды оказывались на обочине внимания как общества, так и военного командования.

Другая важная тема первой главы — образ инвалида в военной пропаганде русско-японской и Первой мировой войн. Особое внимание Сумпф уделил агитационным плакатам, посвящённым благотворительным акциям. На большинстве из них изображались либо жертвы, либо благотворители, но редко и те и другие одновременно. Ветераны-инвалиды чаще всего выступали как иллюстрация к рекламе благотворительных учреждений, что отводило на второй план их личные переживания и жизненные трудности. Важно отметить, что увечья демонстрировались очень сдержанно, лишь обозначались. Автор усматривает в этом стремление общества уйти от шокирующих образов и неприглядных сторон фронтовой повседневности. При этом в книге почти игнорируется фактор цензуры, одна из установок которой в годы Первой мировой — не допускать в печать сведения и изображения, «хотя и не расходящиеся с действительностью, но могущие угнетающе действовать на читателей»¹.

Вторая глава посвящена развитию медицинской помощи ветеранам-инвалидам в 1914—1917 гг. и попыткам улучшить их положение после демобилизации. Война предоставила неограниченное поле для экспериментов и проверки научных гипотез в экстремальных условиях. Сумпф выделил три этапа в лечении искалеченных солдат: хирургия, реабилитация и трудовая терапия. Тяжелораненые выиграли от стремительного развития специализированных областей, которые только начинали появляться в России. Однако медицинская помощь при боли и понятие согласия пациента по-прежнему отсутствовали не только среди врачей,

но и в общественном сознании. В целом, во время Первой мировой войны медицинское обслуживание стало более демократичным и при этом более контролируемым государством. Оно больше не зависело только от инициативы пациента, а было вписано в общую государственную политику, согласно которой хорошее здоровье стало нормой. В результате расширился доступ к лечению и медицинской среде, ранее недоступной социальным «низам». Солдат теперь не только спасали от смерти, но и стремились хотя бы частично восстановить функциональность их тел для последующей реинтеграции в общество. В этом проявились различия между гражданской и военной медициной: первая уделяла пристальное внимание долгосрочным последствиям инвалидизирующих ранений, а вторая была сосредоточена на снижении потерь за счёт улучшения медицинской помощи. Стремление к восстановлению подвижности и функциональности тел увечных воинов способствовало развитию таких областей как лицевая хирургия, ортопедия и физиотерапия. Но в годы мировой войны эти процессы ещё только выстраивались: не все операции проходили успешно, наблюдалась хроническая нехватка протезов.

В третьей главе повествуется о попытках государства законодательно закрепить понятие «инвалид» и таким образом упорядочить работу с этой категорией населения. Войны начала XX в. коснулись всех классов общества, а тяжесть нанесённых увечий от нового оружия предопределила невозможность возвращения тысяч комбатантов к нормальной жизни. Это требовало изобретения для инвалидов войн нового социального статуса и закрепления за ними права на материальную и социальную поддержку. Закон от 23 июня 1912 г., первоначально ориентированный на ветеранов русско-японской

войны, изменялся в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Было принято определение «раненый солдат», затем «ветеран-инвалид» и, наконец, «инвалид» вообще. Закон устанавливал размеры пенсий и права на обеспечение жильём, одеждой, получение образования. Однако большинство этих гарантий остались на бумаге, в первую очередь потому, что лишь незначительная часть инвалидов войн стремилась воспользоваться предоставленными им возможностями. Но требуя эти гарантии, активное меньшинство добилось укрепления правового статуса инвалидов, заставило правительства обращать больше внимания на их положение.

Четвёртая глава посвящена проблемам реинтеграции фронтовиков-инвалидов в общество и их возвращению в экономическую жизнь. Сумпф отмечает широкий размах благотворительности: многочисленные общества и частые благотворители стремились помочь инвалидам обрести новую жизнь, дать им возможность работать и зарабатывать, принося таким образом пользу стране. Однако народное хозяйство оказалось не готово к функциональной реабилитации, адаптации инвалидов к производственному процессу, формированию надлежащих условий труда. Лишь наименее страдающие физически и психологически и наиболее целеустремлённые и образованные сумели извлечь выгоду из многочисленных частных и государственных инициатив. Возвращению инвалидов войны в общество мешало и резкое неравенство между городами и сёлами, столицей и провинцией в финансовых и организационных возможностях. Автор обращает внимание и на социальные воззрения как один из факторов общей неудачи реинтеграции инвалидов. Как жертвы войны, ветераны-инвалиды по большей части чувствовали себя непонятыми и были разочарованы оказанным им

приёмом. Свою роль сыграла и революция 1917 г., когда трудовая деятельность стала фактически эквивалентом гражданственности, давая возможность объединяться в профессиональные сообщества и вместе отстаивать свои права. На этом фоне инвалиды изначально находились в проигрышном положении. Большинство из них быстро поняли, что их, как и беженцев, считают лишней обузой, призывая адаптироваться к экономическим условиям без какой-либо реальной материальной помощи. Они были ограничены второстепенными занятиями, использовались как временная замена ушедшим на фронт, их больше занимали работой, а не обучали ей, больше поддерживали, чем направляли к самостоятельности.

В пятой главе повествуется об объединениях и организациях ветеранов-инвалидов. Поначалу это были одиночные и спорадические отстаивания своих прав, причём не только в тылу, но и в лагерях для военнопленных. Здесь, как и во многих других подобных случаях, огромную роль сыграла революция 1917 г., предоставившая невиданные ранее возможности для самоорганизации разнообразных социальных групп. Ветераны-инвалиды воспользовались этими возможностями, создав собственную организацию. Пройдя военную демобилизацию в разгар войны, они сумели ремобилизоваться в разгар революции, овладев новыми формами и направлениями активности. Однако продолжалось это недолго. Большевистский переворот и ленинская тактика парализовали активистов-инвалидов в решающий момент демобилизации 1917–1918 гг., постепенно рассеяв их среди основной массы ветеранов войны. Распределение пенсий и пособий становилось частью государственной политики, основным направлением которой была отныне поддержка красноармейцев

и их семей. В результате Первую мировую войну подавляющее большинство ветеранов воспринимали как бесполезное прошлое, опыт, уже не имеющий для них никакой ценности. На этом фоне ветераны-инвалиды оказались в особенно тяжёлом положении, считая «германскую» войну временем личных травм и собственного социального падения.

В заключительной главе Сумпф подробно анализирует процесс возвращения инвалидов с войны, их приём родными и близкими, друзьями, соседями. Их физическое возвращение было похоже на полосу препятствий, с барьерами географическими (транспорт), медицинскими (лечение), юридическими (борьба за официальный статус инвалида и пенсию). В городах эти маргинализированные ветераны собирались вместе, в то время как в сельской местности обычно рассеивались. Там у них не было ни медицинских учреждений, ни постоянных благотворительных обществ: какую-то помощь могло оказать только активное земство. Преждевременная демобилизация тяжелораненых комбатантов не давала им никаких преимуществ перед теми, кто вышел из войны невредимым. Мизерные пенсии, редкие медали, теоретическое право на надлежащее медицинское обслуживание, немногочисленные возможности для профессиональной переподготовки никогда не компенсировали внезапной и радикальной девальвации военного опыта и физических ограничений. Мужчины вернулись в свои дома, потеряв не только здоровье, но и место в обществе. Физическая и психологическая немощь ветеранов-инвалидов стала тяжёлым бременем для их семей. Для общества же их присутствие было символом боли и страданий прошедших войн. Часто просившие подаяния на улицах, они представляли как воплощение асоциального поведения.

Политика большевиков, стремившихся нейтрализовать активность инвалидов мировой войны в борьбе за свой статус и права, лишь потворствовала этим социальным воззрениям.

Основанная на богатом источниковом материале, написанная интересным языком, монография А. Сумпфа оставляет приятное впечатление, несмотря на тяжёлый и в целом малопривлекательный сюжет, поднятый в исследовании. Такого рода работы встречаются нечасто, тем более о российских ветеранах войн. Возможно, в книге не хватает более широкого политического контекста, хотя это и заставило бы автора раздвинуть хронологические рамки. Интересен был бы анализ политики большевиков не только в первые годы после революции, но и вообще в 1920-е гг., особенно к «юбилейным» датам, когда дореволюционные военные конфликты ещё не стёрлись из народной памяти. К примеру, проблема инвалидов «империалистической бойни» активно освещалась в советской печати в потоке публикаций к десятилетию Первой мировой войны. К этой теме обращались писатели, общественные и партийные деятели. Так, Л.Д. Троцкий в статьях в «Правде» и «Известиях ЦИК» призывал сделать первую неделю августа 1924 г. «днями мысли и заботы об инвалидах», подразумевая под этим и инвалидов Гражданской войны. «Нельзя забывать их, — убеждал Троцкий, — надо помочь им. Надо поддержать их!»². Однако это скорее пожелание автору, который в рецензируемой монографии уже проделал большую работу и внёс немалый вклад в исследование российского общества в революционную эпоху.

Примечания

¹ РГВИА, ф. 13839, оп. 1, д. 3, л. 28.

² Нельзя забывать // Известия ЦИК. 1924. 2 августа.